

СТАРЫЕ, СТАРЫЕ КНИГИ...

...Опыт, написанный и брошенный в общее употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место... Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего.

А. И. Герцен.

Брем: век назад и сегодня

По весенним улицам развеселого, гуляющего пасхальную неделю Омска бродили иностранцы в дорожных костюмах. Они с любопытством вглядывались в лица горожан, слушали церковный перезвон, посещали различные достопримечательные места. Зашли даже в балаган, где шло кукольное представление, но до конца смотреть не стали, так как поняли: «Русский петрушка, как и наш, в конце концов все колотит и побивает» (О. Финш. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема, М., 1882).

Иностранцы наносят визиты, и их с почтением принимают. Еще бы: каждому льстит посидеть за одним столом с целой научной экспедицией, прибывшей из далекого Бремена. И с особенным вниманием хозяева присматриваются к одному из гостей — широкоплечему, коренастому господину с окладистой бородой. Его имя известно всей читающей России, всей Европе. Это доктор Брем — автор многотомной «Жизни животных».

Было это более ста лет назад — в апреле 1876 года. В тот год, 2 февраля, Альфреду Эдмунду Брему исполнилось сорок семь, и на его счету были уже многие десятки тысяч пройденных километров, сотни раз-

личных приключений. Он путешествовал по странам Африки, пересек экватор, был в Испании, Норвегии, Лэпландии. И вот теперь он здесь, в Сибири.

Перед нами старая, довольно объемистая книга, переведенная с немецкого и изданная в Москве в 1882 году — «Путешествие в Западную Сибирь». Написал книгу коллега и друг Брема — энтомолог и орнитолог доктор Отто Финш. Раскроем страницы небольшого предисловия и мы убедимся, что автор ставил перед собой задачи весьма благородные.

«Главной целью этой книги служит желание распространить более верный взгляд на благодатную во многих отношениях Западную Сибирь и на честных, добросовестных людей, живущих там, чем тот, который до сих пор существовал у нас. Если мне удастся это, в таком случае мои труды и время не будут потрачены даром».

Тех же целей добивался и Брем, ибо дальше в предисловии сказано:

«Мне нечего, конечно, говорить о том, что превосходные статьи друга моего доктора Брема существенно будут содействовать возбуждению интереса к Западной Сибири во всех концах Германии».

Экспедиция, названная впоследствии Бременской, выбрала себе нелегкий маршрут. В Омск она добиралась через Петербург, Москву, Казань, Екатеринбург, Тю-

фигурирует фамилия Сараханова, есть один, имеющий прямое отношение к вышеприведенным словам из библиографии Межова. Это секретный запрос помощника Казанского жандармского управления ректору Казанского университета от 15 февраля 1885 года:

«При производстве ныне мною, на основании высочайше утвержденного 14 августа 1881 года Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия, исследования деятельности образовавшейся в г. Казани Сибирской студенческой кассы, между прочим, выяснилось, что студент III курса физико-математического факультета разряда естественных наук вверенного Вашему Превосходительству Университета Семен Михеев Арканов с конца 1883 года при участии студентов IV курса медицинского факультета Василия Николаевича Серебренникова, II курса юридического факультета Дмитрия Павловича Любимова и I курса того же факультета Константина Константиновича Сараханова занимался собиранием материалов для составления каталога научных и беллетристических сочинений русских и иностранных авторов, касающихся Сибири и граничащих с ней стран Средней Азии. При этом из показаний Арканова и прочих участников этого дела оказывается, что Арканову и принадлежит инициатива составления означенного каталога, который означенные лица предлагали впоследствии издать, по их словам, с целью доставить возможность тем, которые пожелали бы изучать Сибирский край, иметь под рукой указатель литературного материала, необходимого для всестороннего изучения Сибири...

Сообщая об изложенном и препровождая при сем на рассмотрение Вашего Превосходительства вышеупомянутый каталог, Аркановым написанный, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство с возвращением настоящего приложения в возможно непродолжительном времени почтить меня уведомлением — было ли как Вашим Превосходительством, так и вообще кем-либо из университетского начальства дано разрешение студенту Арканову и другим вышеупомянутым лицам на составление вышеозначенного каталога и вообще было ли известно университетскому начальству о таких занятиях студента Арканова и проч. лиц. Если такового разрешения им дано не было, то, на основании существующих в Министерстве народного просвещения узаконений и правил, следует ли считать дозволенным для студентов такого рода занятия, как составление и издание каталогов, предназначенных не для потребности университета и даже, как в настоящем случае, никакого отношения к нему не имеющих, или же такого рода занятия следует считать безусловно запрещенными, хотя бы они не представляли собою чего-либо предосудительного.

Штабс-ротмистр (подпись.)»

Современного читателя, конечно же, не может не поразить факт, что такое явно

безобидное занятие, как составление библиографии, вызвало подозрение жандармов. Между тем тогда это был вполне рядовой случай. В университетах появилась даже полицейская должность инспектора.

Сибиряков в университете училось много, свой университет в Сибири еще не открылся, а ближайшим был Казанский. Можно предположить, что именно для студентов-сибиряков С. М. Арканов, К. К. Сараханов и другие составили особый каталог, включив в него литературу о Сибири, находящуюся в библиотеке и читальне университета.

Прочитав жандармский запрос, тогдашний ректор Н. Н. Булич тут же, на последней странице его, набросал проект ответа. Текст ответа не лишен смелости и некоторой доли тонкой иронии по поводу нелепости запроса.

Ректор не скрывал того, что горд своими учениками, самостоятельно, без каких-либо указаний свыше, начавшими нужное, благодарное дело:

«Возвращая при сем каталог, под названием «Книги касательно Сибири», препровожденный при отношении В. высокоблагородия, составленный студентами Казанского университета, поименованными в означенном отношении, имею честь уведомить на запрос Ваш, милостивый государь, что ни мною, ни вообще кем-либо из начальствующих лиц разрешения на составление каталогов даваемо не было, да и не могло быть дано, как не могло быть дано, например, разрешение студенту читать какую-либо книгу и делать из нее выписки. Такого рода занятия имеют совершенно частный характер. Я со своей стороны, как ректор и профессор, могу только радоваться любознательности студентов, тем более, что специального каталога о Сибири, для ее всестороннего изучения, сколько мне известно, не существует, как существует каталоги, например, для Кавказа, Туркестанского края и других местностей России».

Более или менее подробные сведения удалось собрать об одном из членов группы энтузиастов-библиографов. Это К. К. Сараханов, который был видной фигурой студенческого движения в Казани 80-х годов. В Сибирском землячестве он возглавлял особую омскую группу, являлся, кроме того, председателем нелегального общестуденческого суда. Был исключением из университета (по одному делу с Ульяновым) К. К. Сараханов стал журналистом, работал в газетах Поволжья, затем в Москве. Его имя несколько раз встречается в письмах А. М. Горького. Опубликовано большое письмо В. Г. Короленко Сараханову (оба некоторое время жили в Нижнем Новгороде, где и познакомились). Во время революции Сараханов вернулся в родную Сибирь. Умер он в 1920 году от сыпного тифа.

Вот такие подробности скрывались за несколькими строками из предисловия к межовской «Сибирской библиографии».

Издано в 1919-м

«Среди книг, как и среди людей, можно попасть в хорошее или дурное общество». Эти слова французского мудреца Гельвеция невольно вспоминаются, когда сидишь в зале Омской областной библиотеки и занимаешься вот таким необычным чтением. Самым разным темам посвящены лежащие на столе книги, по-разному выглядят они внешне, но два момента все-таки объединяют их — место и год издания: Омск, 1919-й.

Год 1919. Один из самых тяжелых в истории Омска. Почти весь этот год, за исключением последних полутора месяцев, город был колчаковской столицей: Красная Армия освободила его 14 ноября.

Какие же книги выходили в «столичном» Омске? Сборники стихов? Школьные учебники? Труды ученых? Романы? Отнюдь.

«Дополнение к строевому уставу легкой артиллерии применительно к службе при 5-дюймовой великобританской полевой гаубице».

«Краткие указания по обучению войск стрельбе из винтовки Арсака».

«Описание русской и английской облегченной конской амуниции и подховного запаса».

До стихов ли, до школьных ли учебников? Нужно срочно обучить насильно мобилизованных новобранцев стрелять по таким же, как они, русским людям из английского, японского и иного заморского оружия. Делать это надо немедленно, в самые сжатые сроки. И издается «Учебник для солдат пехоты (составленный по приказанию военного министра особой комиссией применительно к общей программе 8-недельного обучения солдат пехоты)».

В предисловии к этому учебнику вышеуказанная «особая комиссия» жаловалась: «Ввиду ограниченности времени работ комиссии и отсутствия технических средств не предоставлялось возможным пополнить в достаточной мере указаниями на опыт текущей войны и желательными рисунками и чертежами».

Очень скоро и авторы, и читатели этого учебника, обмороченные и голодные, будут брести по шпалам от своей бывшей столицы на восток. Скоро они без всяких чертежей и рисунков, собственной шкурой воспримут опыт текущей войны — войны со своим народом.

А пока новобранцы, согнанные из омских, томских, красноярских деревень, должны пройти колчаковские университеты — пройти вот по этой «Программе 8-недельного обучения солдат пехоты», утвержденной военным министром генерал-майором Степановым 2 апреля 1919 года. Министр, должно быть, остался доволен составителями «Программы»: кроме шагистики, они предусмотрели и планомерную идеологическую обработку солдат. Вот темы бесед, которые должны были вести с рядовыми ротные командиры:

«Великая война 1914—1917 гг.»;
«Русская революция 1917 г.»;

«Кто такие большевики и чего они хотят?»;

«Кто верховный правитель и верховный главнокомандующий?».

Особо сильное впечатление, видимо, должны были произвести такие совершенно необходимые для разлагающейся и разбегающейся колчаковской армии беседы, как «Последствия сдачи в плен для семьи и самого изменника» или «Какие проступки наказываются смертной казнью».

Но во все времена все диктаторы держали в одной руке кнут, в другой — пряник. Отдельной брошюрой издано утвержденное верховным правителем постановление совета министров от 14 марта 1919 года под заголовком: «Преимущества и льготы в отношении земельного и хозяйственного устройства военнослужащих русской армии и флота, принимавших участие в борьбе за возрождение России». Льгот, как известно, колчаковцы не получили: «возродить» старую Россию им не удалось.

Вот такие, с позволения сказать, издания выходили из-под печатных станков типографий колчаковского Омска. На обложках многих из них — двуглавый орел, — герб уже два года не существующей империи.

И еще об одной книге той поры — об обыкновенном телефонном справочнике. Даже он может стать увлекательным чтением, когда на обложке стоит дата — 1919.

Всем не хватало времени в фантастическо-ирреальной атмосфере новоявленной сибирской столицы. Все куда-то спешило, что-то не успевало. Даже издатель этого справочника, некто Брехов, робко просит прощения на первой странице:

«Я спешу принести извинение перед абонентами и рекламодателями за несвоевременный выпуск... Но задержка произошла не по моей вине. Переполнение заказами омских типографий, отсутствие полного штата наборщиков и другие технические затруднения — все это повлияло на аккуратный выпуск моего издания».

И далее наивный господин Брехов, как видно разбиравшийся в политике и в положении на фронте много хуже, чем в издательском деле, обещает: «Приступая к изданию «Справочника на 1920 год», я приму все зависящее от меня меры, чтобы издание «Справочника» вышло своевременно».

Эх, господин Брехов! Где-то оказались вы в 1920 году вместе со своим справочником? Где оказались все указанные в нем министерства и иностранные миссии? Куда подевались, наконец, рекламодатели — владельцы омских магазинов, фабрик и ресторанов, оптики, финансисты, парходчики — все те, кому в первую очередь и нужна была «твердая власть» Колчака...

...Сложное, небыстрое это дело — выпустить книгу, пусть даже небольшую. И, зная, что Советская власть в 1919 году в Омске была лишь полтора месяца, можно подумать, что советских книг, датированных этим годом, вообще нет. Однако каталог

местных изданий областной библиотеки утверждает: такие издания есть, и не одно, не два!

На востоке Красная Армия еще теснит огрызающиеся колчаковские полки, а в Омске уже действует Сибирское отделение Государственного издательства. Огромную оперативность проявили его работники, тотчас же после освобождения города выпустившие отдельными изданиями «Конституцию (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» и «Программу РКП(б)», принятую VIII съездом партии. В этом же году вышел «Сборник инструкций, постановлений, резолюций по работе РКСМ» (издание Омского общегородского комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи).

Тяжелое наследство оставили колчаковцы: разруху, голод, тиф. Но велики были жажда знаний, тга к прекрасному. И рядом с брошюрой о борьбе с тифозной эпидемией мы видим отдельно изданную трехактную пьесу Бориса Рославлева «Праздник обездоленных».

«Революция, сбросив цепи запретов, дала полную свободу в деле просвещения народа». Это слова из книжки А. Д. Соколова и С. С. Сикорского «Народный дом, его значение и устройство». В типографии, где книга печаталась, еще не было нового шрифта: набор «старорежимный», с «ятами». Но цель книги вполне отвечала времени: нести новую революционную культуру в деревню.

Аналогична брошюра «Устав рабочего клуба» (издание внешкольного подотдела отдела народного образования при Губревкоме). «Рабочий клуб, — читаем в ней, — имеет целью поднять культурный уровень, развить классовое и политическое самосознание и дать разумный досуг местному рабочему населению». И далее перечисляются мероприятия, которые можно в клубе устраивать: лекции, беседы, дискуссии, доклады, экскурсии, музей, спектакли, концерты, музыкальные и литературные вечера, кинематографические сеансы, праздники, «а также... буфет-чайную».

Конечно, их немного — советских книг и брошюр, выпущенных в Омске в девятнадцатом году. Но они были! Они боролись, и они принадлежат к тем книгам, про которые сказано Владимиром Маяковским:

Книга — та, по-моему,
которая художава с лица,
но вложена в страницы-обоймы
строки пороха и свинца.

Языком плаката

«Действующие лица:

АНТАНТА, перезрелая, но виноватая женщина.
БАРОН ВРАНГЕЛЬ, ПАН ПИЛСУДСКИЙ — верные рабы Антанты

МИЛЬЕРАН — глава французского правительства.

КРЕМЕНЬ — красноармеец.

ЗЕМЛИН — крестьянин.

ТРУДОВОЙ — рабочий.

АГИТАТОР».

Должно быть, мало осталось зрителей, побывавших на спектаклях, поставленных по пьесе с этими действующими лицами. А когда-то она, возможно, шла в Омске — пьеса в стихах Рябова-Бельского «Последний заговор». Отдельное ее издание (1920 год) хранится в Пушкинской библиотеке.

Вообще, когда просматриваешь картотеку книг, вышедших в Омске сразу же после изгнания Колчака, обилие пьес бросается в глаза. Почему в то тяжелейшее время так нужен был театр?

Вот название одного из таких изданий — «Сытые и голодные, или Поросенок в шляпе. Агитационно-продовольственная пьеса в одном действии», сочинение Николая Еремина, Омск, 1921 год.

«Агитпеса», «продналопотия» — такие подзаголовки имеют многие из изданных тогда в Омске пьес. Они «работали» на текущие, злободневные задачи. Вряд ли их авторы стремились попасть в историю театра. Но все-таки они попали на ее страницы, ибо за каждым подобным изданием — живые черты жизни тех лет.

Вот агитпеса в одном действии Дмитрия Смолина «Голод». Год издания — 1921. Тяжелый, жестокий год для молодой Страны Светов. «Сцена, — читаем мы, — представляет собой дорогу, пролегающую между совершенно выжженными солнцем пашнями и лугами. Кругом ни дерева. На левой половине распряженная телега и палая лошадь».

Нельзя без волнения читать последние реплику и ремарку этой пьесы: «Мужик. Пойдем, Ваня! Эй, товарищи! Честные граждане! Помогите голодающим, кто чем может! (Сходят со сцены в публику для сбора)».

Так театр двадцать первого года помогал спасать голодающее Поволжье.

Не часто приходится видеть произведения классиков русской литературы XIX века, изданные под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А именно так были изданы «Четыре одноактных пьесы по произведениям Салтыкова-Щедрина и Чехова» (Омск, 1921 год). Как бы в ответ на лжереволюционный призыв «сбросить классиков с корабля современности», в предисловии сказано:

«В нашей дореволюционной художественной литературе, основной чертой которой было искание правды и борьба за нее, есть целый ряд произведений, ярко рисующих темную и рабскую Россию прошлого... Часть этих произведений может быть ныне с успехом использована как художественно-агитационный материал, резко и поучительно подчеркивающий контраст между старым и новым, между тем, что было, и тем, что будет».

Конечно, современное ухо режет такие слова, как «использована» и «материал»,

по отношению к великим именам, но опять же стоит повторить: таковс было время.

«Мы все умрем иль победим!»

Осторожно нужно перелистывать ветхие, пожелтевшие страницы этих журналов и книг, выходивших почти шесть десятилетий назад.

Омск начала двадцатых годов. Голодный и холодный, открытый злым степным ветрам город. Все на улицах напоминает о только что закончившемся кошмаре колчакщины — и свежие братские могилы подпольщиков, и переполненные тифозные бараки, и бандитские выстрелы по ночам, и беспризорники на вокзале. Но все-таки это уже новый, советский Омск! И живет он новыми, небывалыми, необыкновенными интересами.

Омские типографии того времени, с приходом Красной Армии, работают день и ночь. Освобожденному городу нужны книги, газеты, журналы. Не менее остро, чем нужда в хлебе, ощущается необходимость в печатном слове. И особенно нуждается в нем красноармеец. В Омске начинают работать: Высшая военная школа и другие красноармейские учебные заведения. А для них выпускаются газеты, журналы, сборники, для них работает специально организованное в Омске «Военное издательство».

Раскроем одно из таких изданий — журнал «Красный вождь», орган военно-учебных заведений Сибири.

«Красный вождь», — читаем мы в редакционной статье первого номера. — На фронте империалистических вторжений и на полях гражданской войны он одинаково явил себя преданным сыном революции, беззаветно и самоотверженно ведущим в бой героические ряды пролетариата.

Перевалы Урала и сибирские степи, уединенные лугуши архангельской тундры и подступы к Красному Петрограду, запад и юг одинаково были свидетелями героической борьбы и подвигов доблестной Красной Армии и ее вождей...

...Армия состоит, должна состоять из сознательных борцов, вооруженных знанием, инициативой, спянных железной революционной дисциплиной».

Журнал «Красный вождь» ставил своей задачей распространение военных знаний, популяризацию военной истории, научных принципов ведения современной войны. На это направлены такие его статьи, как «Задачи красных командиров», «О генштабе», «К вопросу о воспитании кавалерии».

Но рядом с сугубо военными темами мы видим, казалось бы, совсем неожиданные материалы. Например, статью «Нечто о современной поэзии». Да, статью, посвященную именно поэзии!

«1 февраля в зале Высшей военной школы состоялся вечер современной поэзии, на котором предполагалось устроителями продемонстрировать существующие в настоящее время литературные школы. Публики собралось много...».

И дальше дается подробнейшее описание этого вечера.

А рядом — в журнале целый литературный отдел! Здесь печатались рассказы, воспоминания, но главным образом — стихи. Их авторы — курсанты омских военных школ — писали о революции, о борьбе, о будущей счастливой жизни. И литературная неопытность испускалась неподдельной искренностью и романтическим пафосом:

Из цепких рук капитализма
Ценою собственной крови
Мы вырвем царство коммунизма
Для братства, равенства, любви
Мы сбросим иго капитала
Великим натиском своим.
Теперь для нас пора настала:
Мы все умрем иль победим!..
К борьбе суровой и неравной
Тебя я, труженик, зову.
Иди скорей на подвиг бранный —
Спасай Советскую страну!

Таким был омский журнал «Красный вождь». Его читателя — молодого красноармейца, красного курсанта — интересовали самые разнообразные проблемы. Вот перепечатка ленинской статьи «Три источника и три составные части марксизма». А вот материал о Великом Северном морском пути, о тех выгодах, которые он даст Сибири в будущем. Подборка иностранной хроники, а рядом — научно-популярный очерк о знаменитом изобретателе пороха «Что мы знаем о Бертольде Шварце?».

Подобных журналов выходило в Омске в начале 20-х годов не один и не два, а около десятка. Стоит перечислить их названия, и сразу же повеет неповторимой атмосферой того времени: «Вестник аудитории военного дела», художественно-литературный и политический журнал «Сибирский красноармеец», «Кузница политбойцов», «Вперед», «Военный журнал Сибири»... Неброские, скромные внешне, тоненькие и больше похожие на сложенную в несколько раз газету, журналы эти делали огромное дело — воспитывали красноармейца, молодого командира, давали ему политическую и духовную пищу. Издания эти были необходимы, — недаром выходили они не только ежемесячно, но даже еженедельно.

Красное пламя косынок

Кто знает, сохранилась ли где-нибудь еще эта маленькая книжечка? (8-е марта (материалы к проведению Международного дня работниц в деревне)). Она была издана в 1925 году отделом работниц Омского губкома партии и гублитпросветом тиражом в тысячу экземпляров.

Какие мероприятия советовали проводить 8 марта составители брошюры? Женские собрания и громкие чтения, постановки спектаклей и выпуск стенгазет, устройство уголков матери и ребенка — все это, пожалуй, можно делать и в наши дни. Но

вот это могло быть лишь тогда, в двадцатых годах: «Приурочить школам и ликпунктам выпуск женщин-грамотеек к этому дню и торжественно провести выпуск».

Особенно интересен раздел «Итоги пятилетней работы среди женщин Омской губернии. (По материалам истпарта)». Вот несколько цитат.

«...уже в декабря 1919 года первое бюро по работе среди женщин начинает вести работу, проводить отдельные собрания работниц на предприятиях, вести беседы на тему «Кто такие большевики, чего они хотят», разъясняют необходимость помощи в поддержке Советской власти и т. д.»

Дальше говорится о том, что женотделы, созданные при райкомах партии в 1920 году, «помогают больным и раненым красноармейцам, инвалидам войны, обследуют детские дома и столовые. На субботниках, устраиваемых женотделами, производится пошивка и помывка белья, уборка казарм, побелка школьных зданий, уход за больными красноармейцами».

«1921 и 1922 год,— читаем в брошюре,— плохо отозвались на работе среди женщин. В городе начиналась сильная безработица...

Женотделам приходилось главным образом бороться с безработицей и как-нибудь устраивать наиболее нуждающихся на места. Помещать детей в детдома и собирать средства на открытие всевозможных мастерских и кустарных артелей для безработных женщин.

В Омске было организовано несколько таких артелей: починочно-пошивочная, хлебопекарня, чулочно-вязальная, прачечная, артель черного труда».

А вот что рассказывается о том времени, когда волна безденежья из голодающего Поволжья докатилась до Сибири:

«Всколыхнулась женская масса, и самоотверженно она идет на борьбу с голодом... Работницы-делегатки дежурят у эшелонов, подбирая голодных и отставших ребятшек, участвуют в организации столовых, питательных пунктов, сборе вещей, устройстве всяких лотерей, субботников, вечеров, средства от которых идут в пользу голодающих».

Мы узнаем, что впервые по-настоящему широко омички отметили свой праздник в 1923 году:

«В городе и деревне сотни и тысячи женщин принимали участие в праздновании. Постановка инсценировок, агитсудов, вечеров-воспоминаний привлекает массу работниц и крестьянок. В этот день чувствуются женщины — героини труда, проработавшие по 20—25 лет на фабрике или заводе. При участии работниц в Омске открыта школа для неграмотных женщин имени 8 марта... Оживление во всей работе сказало огромное».

А дальше в книге помещены двухактная пьеса, называющаяся «8-е марта», а также стихи и частушки.

Стихи, конечно же, написаны хоть и искренним, но неопытным пером. Однако одно из стихотворений — «Комсомолка» (автор — Павел Дружинин) — не лишено своеобразной прелести:

Шестнадцать лет — в расцвете силы.
В мозгу горящих дум поток.
На голове смешно и мило
Появан зайчиком платок.
Из-под бровей округлых колко
Сверлят глаза: «Чужой или наш?»
Товарищ Груня — комсомолка.
Трехлетний непрерывный стаж.

Особенно хороши частушки, «присланные крестьянкой Кухаревой»:

Ты играй, играй, тальянка,—
Веселиться я пришла:
Есть у нас журнал «Крестьянка»,
Жизнь по-новому пошла.

Проверяйте, бабы, всех —
У кого какой посев,
Чтоб вернее наш налог
Отдавал кулак и поп.

Хороша наша деревня —
С поворотом улицы.
В школу взрослых походила,
Сразу стала умница.

А в заключение составители дают библиографию. Они рекомендуют читателю литературу, в которой отражена жизнь женщины в прошлом и настоящем. Среди авторов — Неверов, Серафимович, Некрасов, Горький, Чехов, Куприн, Мопассан...

Сибирский «Огонек»

Это издание сохранилось лишь в крупных библиотеках да на полках заядлых книголюбов. Речь идет о журнале «Сибирь» — художественно-литературном и научно-популярном иллюстрированном двухнедельнике. Именно иллюстрированном, в этом главная особенность «Сибири»: каждый материал обязательно сопровождался фотоснимками, иногда — рисунками. То есть, по своему типу, это издание было схоже с нынешним журналом «Огонек». Выходил наш сибирский «Огонек» в 1925-26 гг. в Новониколаевске (так тогда еще назывался Новосибирск).

Какие же задачи ставил перед собой журнал? Об этом прямо говорится в объяснении о подписке на него:

«Журнал «Сибирь» — живое зеркало политической, общественной, хозяйственной и культурной жизни Сибири, Дальнего Востока, Китая, Монголии, Японии.

В каждом номере «Сибири» — около ста фотоснимков и рисунков.

В каждом номере «Сибири»: увлекательный рассказ, живой и яркий очерк, хорошие стихи, новости науки и искусства».

Собственные корреспонденты были у журнала в Берлине, Париже, Вене, Токио, Шанхае, Харбине, Пекине. Кроме того, — в Москве, Ленинграде, Омске, Томске, Тайге, Анжерке, Ачинске, Красноярске, Барнауле, Минусинске, Иркутске, Верхнеудинске, Владивостоке, Хабаровске и других городах Сибири.

Это были годы НЭПа, годы борьбы нового со старым, годы пробуждения Сибири — пробуждения хозяйственного и культурного.

И корреспонденты журнала стремились рассказать читателям о Северном морском

пути, о сибирской воздушной трассе, о первых сибирских кинофильмах, о славном революционном прошлом края, о недавней борьбе с контрреволюцией.

Интересен был журнал и в литературном отношении. На его страницах печатались писатели как старшего, так и младшего поколений: Сергей Марков, Петр Драверт, Иван Ерошин, Вивиан Итин, Леонид Мартынов, Иосиф Уткин, Антон Сорокин, Вячеслав Шишков, Анна Караваева, Джек Алтаузен и другие.

С этим журналом связан интересный эпизод, рассказывающий о внимательном, отеческом отношении к делам сибирской литературы Алексея Максимовича Горького.

В конце 1925 года секретарь редакции журнала «Сибирь» Георгий Вяткин отправил следующее письмо:

«Италия. Сорренто. Максиму Горькому. Дорогой Алексей Максимович!

От имени редакции нового сибирского журнала — «Сибирь», издаваемого областной газетой «Советская Сибирь», обращаю к вам с просьбой: прислать для журнала Ваш портрет (хотя бы открытку) и небольшой рассказ или отрывок из последних ваших произведений...

...Ныне в Сибири вырос уже новый литературный молодежь, в еще большей степени талантливый. При участии этого молодежь и выпускается новый журнал, который постараемся вам аккуратно высылать. Ваша помощь журналу, путем присылки просимого материала, чрезвычайно нас обрадовала бы и ободрила. Если затрудняетесь почему-либо дать кусочек беллетристики, напишите несколько Ваших мыслей о Сибири, пожеланий ей — напечатать также с радостью».

Вскоре Горький послал ответное письмо: «10 декабря 1925 года.

Дорогой Георгий Андреевич!

Рад узнать, что Вы живы, здоровы и в «своем деле», в литературе.

Посылаю Вам для журнала небольшой очерк «Убийцы» — кроме этого, ничего не

нашел. Я теперь пишу большую книгу, рассказы перестал писать...

...Крепко жму руку, журналу желаю доброго успеха, сотрудникам его — кланяюсь».

Очерк, посланный Горьким, был незамедлительно напечатан в журнале.

Раскроем для примера один из номеров «Сибири». Вот сдвоенный седьмой-восьмой номер за 1925 год. Большинство материалов посвящено Омску, по сути дела — это целевой, омский номер. Здесь и фотоочерк «209 лет», посвященный истории города, и статья «Омск в революционном прошлом». А вот материалы об Омске современном, о Сибирской сельскохозяйственной академии и медицинском институте, о художественно-промышленном техникуме, о заводе «Красный пахарь», о краевом музее, о молодом композиторе Виссарионе Шебалине.

В этом номере напечатана также статья «Омские писатели и журналисты», очерк «К 25-летию литературной и научной деятельности Петра Людовиковича Драверта». Помещены и произведения местных авторов — Антона Сорокина, Петра Драверта, Леонида Мартынова.

Журнал «Сибирь» пользовался большой популярностью. Один из его участников, писатель Михаил Скуратов, вспоминал впоследствии, что «журнал был хорошо задуман и хорошо начал жить, освещая и литературными материалами, и богатейшими фотодокументами тогдашнюю Сибирь во всем разнообразии ее жизни и природы. Там щедро печатались и поэты, в том числе Азм Многогрешный. Я до сих пор оплакиваю преждевременную и скорую кончину этого журнала».

Да, издание это просуществовало, к сожалению, меньше двух лет. Слишком нелегко было выпускать в маленьком Ново-Николаевске, не имевшем хорошей полиграфической базы, иллюстрированный журнал. Однако жизнь его была хоть и короткой, но яркой. Она внесла свой вклад в развитие культуры и литературы нашего края.

